

Астафьев Виктор Ельчик-бельчик stafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Притча Ельчик-бельчик сначала не был Ельчиком-бельчиком. Он был икринкой. Ма-а-ахонькой икринкой, с пшеничное зернышко величиной и желтенькой, как пшеничное зернышко. Таких зернышек-икринок, неглубоко прикопанных в донном песке и в гальке, было очень много. И в одном таком зернышке, свернувшемся кружочком, спала рыбка. Потом ей тесно стало спать кружочком. Она начала распрямляться. Слабенькая, тонюсенькая пленка икринки лопнула, и у рыбки высунулся наружу хвост. А раз хвост появился, значит, надо им что-то делать. Рыбка шевельнула хвостиком, уперлась им в дно родной речки, оттолкнулась и всплыла. Но воды много было, глубоко было, и рыбке не подняться бы наверх, не осилить течение, да икринка-то зачем? Будто надутый шарик, завязанный на голову рыбки, она поднимала его выше, дальше, и рыбка почувствовала, как ей стало легко и тепло. Рыбка еще ничего не видела, потому что голова ее, значит, и глаза ее были залеплены пленкой икринки. Не знала рыбка и того, что вместе с нею со дна реки поднялась и уплыла па прибрежную отмель, пыльно в воде клубящаяся, стайка таких же, как она, рыбок. Ничего еще не видя, не слыша, рыбки уже чувствовали страх и, похожие на серебристых мушек с одним крылышком, метались туда-сюда по отмели. Иные из них выскакивали на поверхность воды, тогда казалось, что пошел мелкий-мелкий дождик, и дождинки эти покрывали воду пугливыми кружками. Иные рыбки-мотыльки соследу выбрасывались на камешки, на берега, на водяную траву или на застрявшую в воде коряжину и обсыхали на солнце, делались искрами, и береговые птички ? трясогузки, кулики и зимородки склевывали их, питались ими. Но вот маленькие рыбки стерли об воду остатки надоедной икринки и, увидев в первый раз в жизни свет, солнце, родную реку, заплясали, заплескались от восторга, без конца повторяя: "Как прекрасна жизнь! Как прекрасно солнце! Как прекрасна наша река!" Ельчики ? сестры и братья, никогда до того не видевшие друг друга, стали знакомиться, давать друг другу имена. "Как тебя зовут?" ? спросили они маленьку веселую рыбку. "Ельчик!" ? радостно ответила рыбка. "Мы все ельчики!" ? ответили ему братья и сестры. "Какое твое имя, скажи?" Ельчик задумался. И тут он увидел рядом с собой в светлой воде, а ельчики живут только в светлой, прозрачной воде, беленькую-беленькую рыбку, догадался, что это его тень, и радостно закричал: "Бельчик! Бельчик!" Ельчик-бельчик! Ельчик-бельчик!" ? радостно закричали рыбки и всей семьей поспешили на отмель, к водяной травке, где много было всякого корму, и личинок, и семечек травяных, мошки и комары там падали в воду. Ельчик-бельчик метался по воде, выпрыгивал наверх, ловил мошек, собирая с травы личинок и наверхосытку отыскивал возле берега, за камешком или в заливчике травяное семечко и долго держал его во рту, будто конфетку-леденец. Такое было сладкое семечко. Питался Ельчик-бельчик с восхода солнца и до захода солнца. И очень быстро рос. Кто хорошо ест, тот быстрее растет и становится сильным, ? понял Ельчик-бельчик. И он старался расти быстрее и стать сильным. Поэтому часто отделялся от родной стайки, не слушался маму-ельчиху и папу-ельца, которые их зорко стерегли, не позволяли удаляться в траву, в коряги и к большим камням, под которыми спал разомлевший в теплой воде налим и копался в песке речной бычок-подкаменщик. За большую голову, за неуклюжее туловище, за лохматые плавники его презрительно называли пищуженцем. * * * Однажды Ельчик-бельчик отбился от родной стайки, позабыл про маму-ельчиху и про папу-ельца, да и пошел путешествовать по реке. На пороге-Ревуне побывал, хотел пройти меж каменьев дальше, но вода здесь так мчалась, пенилась, кружилась, так ревела и содрогалась, что Ельчик-бельчик побоялся всего этого, полюбовался пестрыми харюзками и нарядными, как лесные красные лилии, ленками, подивился тому, как они резво тут плескались, лезли в самую струю, под водяной шум, в бой порога, шевеля на лепестки цветов похожими плавниками, крича друг другу: "Хорошо!" Позавидовал им, погрустил о том, что он не может здесь жить, так же вольно развиться, да и подался вниз по реке ? искать корм да чтоб побольше увидеть всяких диковин и изведать разных приключений. Ниже порога он и заметил, как из-под большого бурого камня клубами вырывается мутная вода, кто-то под камнем пыхтит, роется, гребет плавниками и рылом дно реки. "Ты кто?" ? остановившись за камнем, спросил Ельчик-бельчик. "Проваливай!" ? послышалось в ответ. Голос был скрипучий, недовольный. "Ладно уж. Жалко уж и сказать", ? обиделся Ельчик-бельчик. "Работаю. Корм добываю. Отвяжись и не мешай!" ? "Хорошо-хорошо!" ? согласился Ельчик-бельчик и, увидев в мутной воде плывущую личинку жучка-бокоплава, раскрыл рот и проглотил ее. "Я работаю, как шахтер, в земле роюсь, ? рассердился бычок-подкаменщик. ? Личинку вот выкопал, а ты ее слопал! Воровать, молодой человек,стыдно! Так ты тунеядцем сделаешься, однако". ? "Ой, какой вы дяденька-пищуженец, сердитый", ? сказал Ельчик-бельчик. "Не сердитый я. Труженик я. Кормилец-поилец. У меня тоже дети есть. Хар-рошенъкие такие,

пучеглазенькие, пузатенькие." ? Вспомнив про детей, подкаменщик сразу подобрел, крыльями смиленно зашевелил, во рту прополоскал, всю грязь из жабер вымыл, подышал ими, отряхнулся и миролюбиво уже сказал; "А по реке больно-то не шляйся. Здесь знаешь сколько всевозможной твари? И все хотят кого-нибудь поймать и слопать. Сунься вон в протоку, там, в траве речной пират ? щука-подкоряжница ? так и ждет, кого бы схватить и заглотить. Под листиками кувшинок ребята-окушата дежурят. Эти бандой окружат да так погонят, дай бог ноги. Они с хохотом, улюлюканьем охотничают, как на футболе. Да это все, брат, страхи не страхи. Тайменей видел?" ? "Не-эт". ? "Как же это ты не видел? Никому не говори, что не видел. Им чтоб почтение и трепет вокруг. Огромные они, краснобокие. Будто генералы в лампасах. А хвост у них!.. Оборони и помилуй нас, водяной! ? закрестился всеми плавниками подкаменщик. ? Будто лопатой вдарит таймень по воде ? сразу кверху брюхом всплыvешь! Тайменям все нипочем: хоть ондатра, хоть белка, хоть змея по воде плыви, птица ли какая ? догонит, сцепает, только на зубах хрюстнешь! Да вон они! Вон они! Наелись, в затишье идут отдохнуть. Прощай, брат! Берегися..." ? и подкаменщик шустро под камень стриганул, мигом закопался, мутная вода веревочкой взвилась за его хвостом, и сделалось все шито-крыто. А мимо оробевшего Ельчика-бельчика, лениво работая землянично-алыми плавниками, проплыли две огромные, в полбревна величиной, рыбины. Были они осыпаны по туловищам серебром медалей и золотом орденов, спины их могучие были темны, лишь чем-то тую набитые животы были нежными, бабыми, и они бережно несли их, боясь ушибиться, не касались дна, скользили в воде хозяйски свободно, надменно, повелевающе. Ну, а хвосты ? не соврал пищуженец ? всем хвостам хвосты! Будто подкрашенный руль корабля, крылатый, закругленный на концах. Чуть шевельнулся хвост ? и один таймень мигом оказался рядом с Ельчиком-бельчиком. Приостановился таймень, глянул на новожителя круглым, свинцом налитым взглядом, и сказал сотоварищу по речной команде: "Мал еще. Пусть подрастет. И тогда... Хо-хо! В службу пойдет, аль скушан будет". ? Генерал-таймень подмигнул Ельчику-бельчику и, чтоб припугнуть его, не иначе, хлестанул хвостом так, что Ельчика-бельчика вышибло наверх и он, кружась листочком в воздухе, летел, летел, пока обратно в воду не упал. Генерал-таймень пошутил, конечно, да Ельчику-то-бельчику не до шуток. Никак не мог он перевернуться на живот, упереться в воду и уйти вглубь. Так и плыл на боку, беспомощный, беленький, а над рекой кружился коршун-скрипун, высматривал добычу ? больную или мертвую рыбу, птенца, отбившегося от табуна или выпавшего из гнезда, мышку, обшаривающую речную траву в поисках корма. Коршун-скрипун увидел Ельчика-бельчика, спикировал вниз, притормозил над водою и схватил его когтями. "Все! Конец!" ? подумал Ельчик-бельчик, ? доигрался, добавовался! Мама! Папа!" ? закричал он. Но мама-ельчиха и отец-елец были далеко, караулили детей своих, кормились вместе с ними, и не слышали они Ельчика-бельчика. На этот раз спас Ельчика-бельчика случай. Коршун-скрипун увидел, что над водой бьются, черным ворохом клубятся вороны и никак не могут схватить большую, едва шевелящуюся рыбину. "Ха! Растворы! Орать только, базарить!" ? презрительно проскрипел коршун и, разжав когти, ринулся за большой рыбиной, подцепил ее острыми когтями и, крича воронам: "Фигу вам! Фигу вам!" ? унес добычу в лес, голодным, зевастым коршунятам, дожидавшимся папу в высоком гнезде. Ельчик-бельчик, задыхнувшись, раненный острыми когтями коршуна-скрипуна, долго падал с неба, и когда шлепнулся в воду, ни хвостом, ни плавником пошевелить не мог. Вода кружила и несла его куда-то. Он хотя и не шевелился и едва дышал, но радовался врачующей его воде, родной реке, радовался, что остался жив, и давал себе слово: никогда больше не отбиваться от родной стайки, всегда слушаться маму-ельчиху и папу-ельца, и вообще жить смироно, служить примером родному коллективу. Обессиленного и раненного, Ельчика-бельчика принесло в тихую протоку, затянуло под круглый лист кувшинки. Ельчик-бельчик возился под листом кувшинки, пробуя со спины опрокинуться на брюшко и плавать, как полагается всем здешним рыбам. Любопытная трясогузка села на качающийся лист, заглянула в воду и застремкотала: "Рыбка! Рыбка! Раненый ельчик. Где его папа? Где его мама? Надо помогать ельчику! Надо помогать..." ? "Как ему теперь поможешь?" ? сказал задумчивый зимородок, сидевший на самом кончике ивового прутика. Зеленый, всегда нарядный, на елочной игрушке похожий, он нагнул прутик до самой воды, смотрел в нее, охотился на букашек и малявок, добывал пропитание детям. Ему было не до Ельчика-бельчика. Долговязый куличок-перевозчик, бегая по берегу, тонко причитал: "Тити-вити, тити-вити!" ? что значило: "Помогите! Помогите!" Чайка-почекутиха, пролетая над протокой, покосилась и сказала: "Вот и помогите, раз вы такие добрые. Не то я его съем и тут же задом выплюну ? чтобы не вольничал". Никто не мог и не хотел помочь Ельчику-бельчику. Спасайся сам, выздоравливай сам, раз не слушался маму с папой. Вечером на протоке открылась охота. Веселые беспощадные окуни бандой окружали и гоняли обезумевших малявок. Где-то в траве, меж коряжин, раз-другой плеснулась и кого-то поймала

подкоряжница-щука. Проплывая веселой, жадной компанией мимо Ельчика-бельчика, хваткие, насытившиеся окуньи притормозили, в философские рассуждения пустились: "Доходит парняга! А все отчего? Веселой жизни захотел!" И как таймени-разбойники во всю пасть ? хо-хо-хо да ха-ха-ха! Подрастай, говорят, мы тебе объясним, что такое се-ля-ви... "Хо-хо-хо!.. да он еще по-французски не волокет, робя! Научим! Объясним глыбкий смысл жизни"... * * * Уж солнце на закат ушло, уж все успокаивалось на протоке, когда из травы молча, незаметно выплыло, и не выплыло, а возникло что-то такое похожее на сучковатую корягу. У коряги было плоское рыло, широченный рот, носище с загибом, сапогом, тупым покатым лбом, змеиные, в упор пронзающие глаза и пестрое хвостатое тело. "Щука это, подкоряжница!" ? догадался Ельчик-бельчик и понял, что теперь уж ему совсем конец пришел. Но подкоряжница была сыта, сон ее уже одолевал, дремота брала и, зевнув пастью, до горла усаженной шильями зубов, она протяжно, лениво и складно молвила: "Фи, мы, малювка, сыты! Мне и рот-то открывать ради такого октябренка не хотца", ? и пошла было в траву, под коряги, на покой, да вспомнила, кто она такая, надо же страху нагнать на всех обитателей протоки, чтоб не дремали попусту, чтоб дрожьмя дрожали до утра, и в такой узел воду завязала, так вдарила хвостом, что все рыбы и их детишки сыпнули в разные стороны, кто над водой, кто в воде, кто и на берег в панике выметнулся. Птицы с испугу взнялись, вороны заорали, чайка-почекутиха, пролетающая над протокой, вскрикнула: "А, чтоб ей пусто было, этой подкоряжнице!" Сделав круг над тем местом, где унялась и заснула под корягой нажрвшаяся хищница, и увидев, что никакой поживы от нее не осталось, чайка-почекутиха всех пернатых обитателей берега успокоила: "Спите с миром, братья! Подкоряжница дрыхнет, таймени отдыхают", ? и, опустившись на плоский камень, сама осела на подогнувшиеся лапы, замерла в чуткой дреме. И снился ей рассветный час на земле, пробуждение неба за лесом, река, усыпанная рыбой, и двое неуклюжих, на капусту похожих чаят, уснувших под кустами, на другом берегу и готовых заорать па утренней зорьке, потребовать пропитания. "Обжоры мои ненаглядные!" ? умилялась чайка-почекутиха, сонно распускаясь пером и телом. Ельчика-бельчика ударом щучьего хвоста выбило из-под листа кувшинки и легкой волной вынесло на речную струю. Здесь, в прохладной, свежей воде, ему сделалось полегче, он опрокинул себя со спины на брюшко, увидел большой рыжий камень и решил проситься на квартиру у труженика-подкаменщика. "Можно к вам?" ? спросил Ельчик-бельчик. "Кого это черти несут на ночь глядя? ? послышалось из-под камня. ? А, это ты? Ну, давай, устраивайся за камнем. Утром твою семью искать будем, а то пропадешь!.." * * * Бычок-подкаменщик нашел стайку ельцов на плесе. И какое-то время Ельчик-бельчик жил совместно с братьями и сестрами, норовил плавать ближе к маме-ельчихе и папе-ельцу, в середине стайки держался. Хватит, натерпелся страху и лишений. Но и здесь, в родной семье, заметил Ельчик-бельчик, жизнь была неспокойная, страху полная. Со всех сторон маленьких, беленьких и веселых рыбок-ельчиков караулили опасности. Сверху норовили их схватить и унести чайки, скопы, вороны, коршунье. В траве их поджидали водяные крысы, хищная щука-подкоряжница, шайка окуней. Но самый строгий контроль за жизнью ельцов осуществляли водяные генералы-таймени. Они их пасли. Все лето генералы-таймени держались возле стаи ельцов, и тот из рыбьего племени, кто был слаб или болен, изнемогал от давящего гнета, или в поисках корма отбивался от семьи, становился их законной добычей. Всякий недисциплинированный, порядок нарушающий или желающий порезвиться, в сторону сигающий член семьи так же безвозвратно и навсегда исчезал во чреве пастухов. Генералы-таймени даже и труда особого не употребляли, чтоб догонять отщепенца, глушить хвостом негодника. Они просто открывали ненасытную пасть, делали вдох ? и рыбка сама, сложив крыльшки, покорно укатывалась в огненно-пылающий кратер тайменяго рта, исчезала в бездонной и ненасытной утробе. И нельзя было держать пастухов впроголодь, томить ожиданием ? озверелые, они врывались в стаю, глущили и сжирали тогда правого и виноватого, больного и здорового. Ельчику-бельчику казалось, что мать-ельчиха с отцом-ельцом имеют тайный и давний союз с конвойной силой, они как бы нечаянно, невзначай, ненароком приносили в жертву некоторых детей своих, но чаще собратьев по речному племени. Без видимой причины папа-елец с мамой-ельчихой опрометью бросались вперед, начинали метаться по плесу, и задремавшие, слабые сердцем ельчишки с испугу стригали в сторону, в пену, в темень и оттуда уже не возвращались. Иногда мама-ельчиха и папа-елец приводили стайку на теплое мелководье, на кормную травочку, начинали прыгать, резвиться, ловить комаров, поденков, пугать стрекоз, уснувших на вершинах трав, высунувшихся из воды. Обрадовавшись стайке, доверившись рыбьему коллективу, со всех сторон на шум и плеск спешили из укрытий малые рыбы дети: сорожки, пескарики, гальяны, языки и голавлики, даже тиховодные карасики и подлещики из протоки выплывали и тоже шлепались лепешками в воду, круглые пузырьки от удовольствия пускали. "Хорошо-то как! Весело всем вместе!.." Тем временем мама-ельчиха и папа-елец все сваливались, сваливались к

плесу, уводили за собой в глубину семью, обнажая отмель, кипящую от резвой рыбьей мелочи, как бы снимая с нее белое, искрящееся покрывальце. На отмели неожиданно возникали генералы-таймени. Они так страшно носились по мелкой воде, что их острые плавники торчали наружу, огненными резаками пластили воду, как сталь, лопаты хвостов ахали пушками. Вода мутнилась. Волны склестывались меж собой, все кругом кипело, брызги металлическими осколками летали словно от взрывов мин и снарядов. Рыбок было, подбрасывало, катило на отмели, засаживало в коряжник. Будто сенокос начался на реке и в протоке, только вместо скошенной травки пластами плавали оглушенные рыбы и всякая разная водяная тварь.

Генералы-таймени и вели себя словно коровы на сенокосе. Они лениво плавали по отмели, сгоняли рыбом и хвостом в кучи оцепеневших рыбок и горстями пожирали их. А вокруг по-шакалы действовали, шустрили невесть откуда набежавшие помощнички-стервятнички ? окуни, ерши, ленки, голавли, даже язи приворовывали на стороне, и два облака: белое ? из чаек, черное ? из ворон, кипели, катились над плесом, пьяно кричали, горланили, торжествовали, пируя и пользуясь дармовщиной. Даже лохматые, на капусту похожие чаята всплыли на воде и бестолково вертели головами, гакая и еще не понимая, из-за чего поднялся содом па реке. Однако рыбешку-другую ухватывали клювом и тоже возбуждались от дармового корма.

Щука-подкоряжница на что уж шакалка и захватчица, не пустившая из травы покусочничать своих шустройщих шурят, сокрущенно трясла головой, на конце которой, в твердой губе болталась блесна, ввечеру оторванная ёю со спиннинга наезжего рыбака. "Что деется! Что деется! Форменное изменшиство... Халтурой это при моей пробабке называлось ? поминальной едой, где всякому дармоеду раздолье". "А нынче халтура! ? поддакнул вьюн, высунув узкую головку из мягкого, теплого ила. ? Надо кон-фэрэнцию по разоружению собирать, иначе все погибнем!.." "Кон-фэ-рэн-цию, ? передразнила вьюнка боевая подкоряжница. ? Это значит: я вынай зубы! Таймени, судаки и жерехи свои стальные челюсти в утиль, на протезы сдавай, так? Окуни и ерши, всякие прочие добытчики колючки состригай, мри полноценный кадр с голоду, так? Хто же в реке жить останется? Ты? Пескарье? Ельцы! Гальян! Сорожняк! Карабь-шептун! Лещи косопузья! И разная сорная рыба. Хто ж вас, блевотников, гонять-то будет? Аэробикой крепить ваш мускул? Сообразиловку вашу развивать? Охранять, наконец, границы священного водоема нашего? Упреждать и спасать от нашествия нашего вечного врага ? рыбака? И как, наконец, быть с хватательным инстинктом, ему ж тыщи лет. Пропагандом хотите прожить? Боевым и божецким словом сознательность у рыбака-врага пробудить? Так? У-ух, пацыхвисты гребаные!

Недое-ден-ныя!" Не дослушав речь в исступление впавшей щуки-воительницы, вьюн сконфузился и в мягкий ил шильцем всунулся. Подкоряжница же, разгорячившись, хлобыстнулась всем телом об ряску, оглушила в ней двух лягушек, кулика с кочки сшибла и в водяных зарослях скрылась. Ельчик-бельчик, засыпав шум и громкую речь речного начальника, решил полюбопытствовать, что там в протоке происходит? Может, уму-разуму поучится у великих руководителей водоема? Поплыл через отмель на протоку Ельчик-бельчик. А там генералы-таймени закусывают, облизываются: "Ну что ты сделаешь! ? хлопнул один из них себя по дородному пузу плавником. ? Опять этот оглоед! Ты чего тут делаешь? Подглядываешь! Фискалишь! Ты зачем нам кушать мешаешь?" ? генерал-таймень торпедой метнулся за малой рыбкой, ухватил ее за хвост и, ловко, натренированно перебирая скобами повелевающего рта, начал разворачивать Ельчика-бельчика головой на ход ? так белую вареную галушку отправлял когда-то обжора, хмельной кум Грицько в свое бездонное брюхо. Но в это время на берег реки спустилась деревенская старуха ? мыть и полоскать длинные полосатые половики и одним половиком так хлестанула по воде, что таймени приняли это за грохот взрывчатки, которой тут, в подпорожье не раз баловались сплавщики и разный бродячий народ, да и драпанули в глубь вод, потому что храбры они были лишь в воде, среди рыб, которые все подряд были меньше их ростом и слабее силой. Ельчик-бельчик, лишившийся половины изящного хрупкого хвостика, помятый пастью тайменя, едва правясь на боку, приплыл к родной стайке. ? И что с тобой беспутным делать? ? задумались мама-ельчиха и отец-елец. ? Оставить здесь, так эти благодетели сегодня же подберут тебя и проглотят. А знаешь что, сын наш? Там вон в протоку впадает ручей, он начинается со светлого, холодного, прозрачного ключа. Ты ? рыбка светловодная, нащупай струйку, ножом просекшую стоячую воду протоки, поднимись до самого ключика, постой там, подумай о своем поведении, подлечись во здравнице. Водяной бог даст и поправисси. Да смотри! ? крикнули родители вслед почти на боку ковыляющему по воде Ельчику-бельчику, ? не забывай, что ты маленькая беззащитная рыбка, подкоряжницы берегись, окуней стерегись, крысиные засидки стороной оплывай... * * * Ельчик-бельчик по холодной свежайшей струйке воды дошел до устья ручья и много дней правился вверх по течению, питаясь в пути наплывающей мошкарой, водяными козявками, потом настолько окреп, что и паута поймал, а слепней, мух и тлю разную, падающую в воду, брал запросто. Один раз он увидел хлопающую крыльями по воде бабочку, его взял азарт, и он

ухватил бабочку за крыло, пытался утянуть ее в воду. Но бабочка так хотела жить, так отчаянно билась, что оторвала клочок крыла, приблизилась к берегу, выползла на него, обсохла и, неуклюже вихляя раненым крылом, улетела. "Так же вот и мне оторвали полхвоста. Одно верхнее перышко осталось. Что же это за жизнь такая? В чем ее смысл? Или везде такое се-ля-ви, как глаголят окуни". Но Ельчик-бельчик был еще юн, дела его шли на поправку, долго думать о смысле жизни он не мог, не умел, да ему и не хотелось этого. Слишком много было кругом завлекательного, интересного. В первую голову его интересовали птицы. Каких только не было в гуще ручья птиц! Как только они ловко ни прятались и как только они ни пели! И всякая птица пела с удовольствием, всякой своя песня нравилась. Иногда они роняли с кустов белые, жидкые капли, и Ельчик-бельчик, думая, что это червячок или гусеница, бросался на них, хватал ртом и потом долго отплевывался. "Фу, какая бяка! И как не совестно мазать ручей?" Светлый ручей ему очень нравился. Он был говорлив, дружески ласков, весь в зарослях смородины, черемушки, ивы. По берегам его росли яркие, на угли похожие цветы ? жарки, гордо и празднично светились марьины кореня ? дикие пионы, и всюду голубенькие платочки незабудок, веселый ситец беленьких росянок, синие пятна колокольчиков. И в воде было много занимательного, интересного и привлекательного. Под перекатами, на быстрине и в шиверах кормились харюзки, мгновенно исчезающие при любой опасности. И ручей-то узенький, и деваться в нем вроде бы некуда, а вот поди ж ты ? научились хитрые рыбки и здесь спасать себя. "Сложна жизнь! Ох, сложна! И напряженна", ? думал Ельчик-бельчик, поднимаясь все выше и выше по течению и дивясь разнообразиям природы. Наконец он достиг истока ручья и подивился его красоте. Ручей возник из-под скалы. Как бы выдавленная камнем вода выступала сразу же по всему его подножью, лениво тут шевелилась, ходила кругами, образуя ненаглядное озерцо с песчаным дном и промытым до блеска камешником. По округе озерца уже образовалась растительность: дивные кругом цветы, зонтичные травы, кустарник кучерявился, вербы, склоняясь, гляделись в воду, и две из них до того загляделись, что и упали в озеро, разломившись в корне с братним стволом, но и в воде осилившись, приподнявши вершинку, они росли космато, сорили семенем. Озерцо кишило мелкотой рыбьей. Ельчик-бельчик вспомнил, что у людей-ловцов это называется детский сад. И решил, что ему, маленькой, чистой рыбке, к тому же израненной и варварски искалеченной тайменями, ? самое здесь место, никто его за вторжение в здравницу не осудит и дезертиром из ельцовых рядов не посчитает. Ельчик-бельчик стал плавать в озерке и наслаждаться жизнью. На ночь он сплывал по ручейку в тень, под размытый бережок, прятался в черных корешках черемух, где и обнаружил укрывшихся хариузов, пескарей и даже старого знакомца ? подкаменщика узрел, который, впрочем, не узнал Ельчика-бельчика и на радостное приветствие его не ответил. Когда же Ельчик-бельчик напомнил ему о встрече и обо всех происшествиях, какие с ним вышли, пищуженец только буркнул: "Это был мой папа", ? и тут же скрылся под камнем, не желая болтать попусту. * * * Минуло сколько-то дней и ночей. Ельчик-бельчик считать не умел и потому не знал никаких сроков. Жизнь шла хорошая. Ельчик-бельчик совсем поправился, сделался резвым, и хотя без нижнего крыльышка хвоста прыгать и ловить мошек было трудно, жизнь заставила его много тренироваться, чтобы быть ловким, легким и добывать себе пищу. Но чем он здоровей и ретивей становился, тем чаще к нему подступало неведомое чувство. Он видел во сне и наяву родную просторную реку, а не тенистый затаенный ручеек, начинающий путь в красивом, но чужом озерке. Он вспоминал стайку ельчиков ? своих братьев и сестер, папу-ельца вспоминал, маму-ельчиху. И ему хотелось броситься вниз по ручью, пройти протокою, очутиться в родной, пусть и опасной реке, соединиться с родной семьей. "Еще маленько покормлюсь, полечусь в целительных этих водах и подамся я из санатория домой ? хорошо здесь, а все же чужбина", ? решил Ельчик-бельчик. Но тут появилась она ? прекрасная, скромная, серебром чешуек украшенная, по серебру пояском подпоясанная, Белоглазка. Она одиноко стояла под скалой, чуть в сторонке от резвящейся рыбьей ребятни, с наслаждением дышала целебной водой, как бы и не замечая совершенно Ельчика-бельчика. Он неуверенно приблизился к Белоглазке, кивком всего тела в почтительном поклоне поприветствовал ее, и она ему ответила снисходительным кивком изящного хвоста, чуть повела крыльшками цвета промытого камешка, хвост у нее походил на еще не раскрывшийся с ночи подснежник-прострел. "Что я, инвалид и калека, могу значить по сравнению с такой красавицей? ? загоревал Ельчик-бельчик. ? Как и всякая красавица, она к тому же недотрога и если в реку выйдет, все ельцы за нею ухаживать сплынутся, может, какой кавалер покорит ее капризное сердце, а мне уж водяной бог, видно, счастья не сулил..." Без дальнего намека, просто так, за компанию Ельчик-бельчик предложил Белоглазке свои услуги: "Не может ли он быть ей полезен? Не ознакомить ли ее с местными условиями жизни? Не помочь ли чем?" "да-да! Вы можете быть мне полезны и помочь обязаны, как мужчина, как рыцарь..." ? и тут прекрасная Белоглазка поведала горькую свою рыбью

историю. Весной, идя на икromет и ничего не видя в мутной воде, ее родная стая целиком и полностью угодила в сеть. И Белоглазка угодила. Быть бы ей посоленной в деревянной вонючей бочке, но чайки-вертухайки кормились возле рыбаков, выдергивали из сети рыбок, воровали, точнее сказать; какая-то чайка, скорее всего почекутиха, выкрала и ее, Белоглазку. Но кто-то или что-то обжору-воровку напугало, или она позвать хотела подругу, раскрыла рот и выронила смятую, почти безжизненную Белоглазку в воду. Теряющую серебряную чешую, со слепленными жабрами, с открытым ртом и смятыми крыльшками, Белоглазку утащило в затопленные кусты, где она и отышалась маленько, не была найдена хищниками и по совету благородного трудяги-подкаменщика подалась на излечение в этот исцеляющий ручей. Она достаточно поправилась, восстановила здоровье, и одно только томление и забота гнетут ее постоянно: весной она не отметала икру. Это бремя невозможно дальше носить. Она, рыбка зоркая и чуткая, давно приметила одинокого, тоже нуждающегося в утешении, ельца и подумала, что вот тот мужчина, который еще способен ценить женщину, готов на благородство, на самопожертвование, на создание прочной совместной семьи. "Всегда готов! Всегда готов! Всегда!.." ? запрыгал, заплескался Ельчик-бельчик в светлом озере. "Ах, как мы все устали от лозунгов! ? поморщилась Белоглазка. ? Так хочется конкретных дел!" ? и стала толковать Ельчику-бельчику о том, что создание семьи ? не шутка, что современные ветреные мужчины не понимают, точнее, не всегда понимают всю ответственность свою: плодят детей, бросают жен по рекам, а это способствует распространению такого бедствия, как сиротство. Безнадзорные дети мрут от голода и неустройства, становятся легкой добычей чайки-почекутихи, ворья-вороны или хотя бы той же щуки-подкоряжницы ? она не постыдится, глазом не моргнет, любое дитя, в особенности беззащитного сироту, бесстыдно сожрет. Но Ельчик-бельчик не слушал наставления своей благочестивой, к морализаторству, как и все современные эмансионированные женщины, склонной подруги. "Как прекрасен этот мир!" ? пел он и прыгал. Белоглазка дополнила: "Мир прекрасен еще и тем, что в нем есть место братству и не перевелись в реках и озерах такие чуткие и благородные рыцари, как вы..." От таких речей Ельчик-бельчик даже присмирел, строже сделался и молча последовал за Белоглазкой под скалу. Там, в тени нависшей скалы, на крупном песке Белоглазка, мучаясь, уронила и рассеяла по дну щепотку мелкой икры. Ельчик-бельчик, тоже мучаясь никогда еще не испытанным наслаждением, покрыл эту икру двумя ниточками белых молок. Сделавшись мужем и женой, Белоглазка и Ельчик-бельчик долго и сосредоточенно закапывали оплодотворенную икру мелкой галькой и песком. * * * Опустошенные, усталые, справив назначенное им природой родительское дело, едва шевеля плавниками, они сплыли по ручью в подмытый берег, спрятались в корешках, чтоб постоять здесь, отышаться, набраться сил и продлить совместную жизнь. Но что-то не давало покоя Белоглазке, она тревожилась, выплывая из-под берега на струю, процеживала воду алыми жабрами, пробовала ее и, наконец, отчаянно закричала: "Это он! Это он, негодяй!.." ? и отважно бросилась вверх по течению, муж ее, Ельчик-бельчик, ? следом. По речке вилась и размывалась серая муть, ельчики застали под скалой бычка-подкаменщика, занимающегося нехорошим, прямо сказать лихим, разбойным делом: он лопушистыми трудовыми крыльями разгребал песок и гальку, ртищем выбирал икру Белоглазки. "Ах ты, ворюга-пищуженец! Да как же тебе не стыдно?! Как не совестно?.." ? закричали разом Белоглазка и Ельчик-бельчик, отважно бросаясь на подкаменщика. Тот забился в каменную щель и оттуда бубнил оправдания: "Не вор я, не вор. Трудяга я. Бес меня попутал, дорогие мои товарищи водяные. Мне тоже захотелось вкусненького. Не все начальству икру лопать, подкоряжнице или тем же генералам-тайменям. Им все, стало быть, можно? А я работай, работай, а харч каков?!" ? У тебя голова есть? ? закричала Белоглазка. ? Ну, есть. ? Зачем она тебе? ? Я ей ем. Возле пищуженца блудили, подкармливались ершики, растопыривая от сладости свои колючки. ? А вы-то, вы-то, шпана водяная! Уж не прозреваете! Ни стыда, ни совести у вас, у бродяг! ? рассердился Ельчик-бельчик. ? Ерши, значит, не рыба! И ч? мы сделали? Украли? Сторожа нет. Икра бесхозна. Никто за нее никакой ответственности не несет. Приперлись, понимаешь, в закрытый водоем санаторного типа да еще и права качают! Коли обдристили чистое дно вонючей икрой своей ? караульте! Кроме того, когда полагалось икру метать? Весной! Где отметить? В реке! Не берите нас на понт, мы законы знаем и кой-чего в политике понимаем! Лямуручики развели! Пролюбовались, промиловались!.. Срока исполнения своей задачи пропустили! В план не уложились... Мы вас, полюбовников, за нарушение кодекса природы так отшлем, что всю жизнь на лекарства работать будете! Бога водяного молите, чтобы сюда подкоряжница не явилась. Она тут мигом наведет порядок! Она себя абы-хы-сыс называет! И пищуженец осмелел, толкаться давай, выступать: ? Во! Во! Правильно вам колючие блатяги влили! Правильно! Не лезь в привольное место, ковды спецпропуска нету... ? А у тебя есть? А у тебя есть? ? У меня тоже нету. Но я тут отхожие помещения чищу, всякую вредную тлю, червя и клеща выедаю. ? Икоркой на

верхосытку не брезгуюшь?! ? Говорят вам, икра бесхозная, не ко времени и не в положенном месте выметана. Так ч? теперь судить меня за это... ? да ты, дебил водяной, неподсуден из-за своей умственной отсталости и древнеющей мужицкой жадности, ? съязвили ерши и, не найдясь, чего им ответить, от греха, от шайки блатных подальше, залез бычок под камень, на прощание сказав паре ельчиков: ? Извините. Больше не буду. ? Кончай демагогию! ? растопырились еще пуще ерши. ? Не виляй хвостом! Каждому по труду, от каждого по потребности! Слышал? ? да слышал, слышал. Еще в школе на тихой протоке. Подкоряжница там учительствовала. Безграмотная, тупорылая, но имеет диплом об окончании академии общественных наук! Хилософ я, говорит, хилософ-практик. На общественных началах могу теорию сохранения жизни в протоке преподавать и за идейную чистоту рыбых рядов бороться. Тогда ты, елец, не только икры, остатков хвоста лишишься. * * *

Белоглазка и Ельчик-бельчик решили не покидать свое маленькое нерестилище и поочередно дежурили возле него. Вот-вот должны были появиться дети из той икры, которую не успели сожрать пищуженец, куда-то скрывшийся от позора, и блатняги-ерши. Однажды на светлом озере поднялось волнение, шум, гам, заметались бедные мульки, не зная, куда деваться. Птицы запищали жалобно, и ельчики поняли: уставшая от ленивой, сытой жизни в стоячей воде па протоке, по холодненькому ручью, в свежую водицу пожаловала подкоряжница. Наводя ревизию, приела она по пути потерявшим бдительность харюзов, птенцов, какие из гнезда выпали, подобрала, лягуху долго во рту, как цветочек зелененький, таскала, петь пыталась: "Раз попалась, пташка, стой, не вертuhайся!", мышонка ? для острастки, не иначе, пришибла и даже есть его не стала. Рыбки тучей залезли под скалу, дрожьми дрожат, жмутся друг к дружке. Подкоряжница всплыла на самый верх, перья распустила, пасть ощерила ? разом две целебные ванны принимает ? водяную и солнечную. Пасть у нее сплошь в ценном металле ? серебре, золоте, меди, свинце, даже в вольфраме. Зимой рыбаки просверлят лунки и удят на протоке окуньков, сорожек, ершиков. Подкоряжница в засидке находится, караулит жертву, и как только рыбак поволокет на мормышке иль на блесне рыбешку вверх, она шасть из-под коряги, цап рыбешку вместе с мормышкой ? и ваша не пляшет! Хохотет подкоряжница, изdevается над рыбаками, зубастую пасть, изукрашенную металлом, из лунки показывает. Рыбаки лают от неистовства, норовят подкоряжнице пешней оглушить, по льду галошами топают, одного контуженного на войне рыбака припадок хватил. Едва откачали. И здесь, на родниковом светлом озере, подкоряжница блаженствовала вроде бы, но одновременно и воспитывала рыбье поголовье, к справедливому порядку население приучала. ? Хто в спецводоем без путевки, без направления, из оттудова, ? показывала она рылом вверх, ? дикарем аль по несознательной дурости и политицкой отсталости затерся, тот дело будет иметь с органами абы-хы-сыс! ? подкоряжница, регоча, хлопала себя плавником по резиново надутому брюху. Рыбака увидит подкоряжница, дразниться начинает: ? Имай! Имай! Может, чего поймаешь? ? и тут же прыгать да хрюплым с похмелья голосом петь любимую песню примется: ? Мы поймали два тайменя, один с хер, другой помене!.. ? Водяной ты! ? крестились хвостами спрятавшиеся под скалой бедные рыбки. ? Никакого в ней страха. Разве можно господина-рыбака так гневить? Он же ж рассердится и нас переглушит всех, в сумке унесет, сварит и съест... Подкоряжница особенно люто ненавидела почему-то рыбаков в шляпах, в темных очках, в иностранной снаряде, с японскими спиннингами, шведскими катушками и советскими блеснами. ? Хо-хо-хо!

Интернационалист явился! Унутренний эмигрант. Рыбки ему социалистической захотелось, революционному населению принадлежащей. А этого не хочешь? ? хлопала себя плавником по узкому отверстию, расположенному в конце брюха, почти в районе хвоста. ? Я тебя, скабрезницу, счас выволоку! Счас-час! Я мокрель в Карибовском море ловил. Акулу в Персидовском заливе! Рыбу-пилу у берегов Африки! И чтоб с такой выжигой из гнилой протоки не совладать?! ? Макрель он ловил! Акулу капитализма! Ты вот акулу, выросшую в водах социализма, излови! Здесь вон нефть кругами ходит, лесом дно реки устелено, машинные колеса, банки, всякое военное железо на дне валяется, гондоны, утопшие пьяные трудящиеся плавают и совсем не морально, а натурально разлагаются. Браконьер сетки мечет, бреднем гребет, острогой целился, порошком травит, динамитом глушит! А мы живе-ом! Друг дружку жуем, повышая тем самым бдительность в водоеме, отбор происходит естественный ? остаются самые выносливые, смекалистые, пронырливые. Плевать они хотели на рыбаков-краснобаев и на защитников природы. Мужество, нравственность! Способность к самопожертвованию во имя будущего идеала. Мы во вновь открытые, развивающиеся водоемы икру на размножение отправляем. Бер-ри! Плодись! Множь рыбье поголовье, мы добрыя! И кабы подкоряжница выступала как люди, стоя на трибуне и не брыкаясь, нет, она все время носится, вертится, вроде бы схватить блесну норовит, но все это она делает коварно, с умыслом: то под затонувшую корягу занырнет, в щелястом камне прошмыгнет, то почти на вербу выметнется, и блесну за блесной садит рыбак, пластиает лески, уродует спиннинг. Когда впавший в

горячку рыбак обнаружит: все блесны потрачены, крючки обломаны, лески изорваны, удрученно глянет он на светлые воды и который заплачет, а который, матерясь, отправится домой. Подкоряжница уж никогда не удержится, заулюлюкает вслед, запоет любимую песню: "Мы поймали два тайменя...", наставления выдаст: ? Рожа твоя безыдейная! Ты мырни, мырни в озеро-то! Там горы металлу! Блесны и крючья всех стран и континентов украшают наш спецводоем! А в протоку? А в реку? Соображай, милай! * * * Но дооралась и подкоряжница! Допрыгала! На озерце появился старишок в кирзовых сапогах, в добела изношенном железнодорожном кителе и картузе, и тоже целится рыбки на ушицу изловить. Огляделся старишок, высморкался и ловко этак подметнул и на самодельную мушку выхватил одного глупого харюзка, другого. Подкоряжница выплыла из-под вербы, смотрела, смотрела на эту работу и, не выдержав искушения, бросилась за харюзком, волочимым дедом, оторвала его, вместе с мушкой заглотила. ? Ах ты, клятая-переклятая! Рыло твое ненасытное! ? заругался дед. ? Вот я тебя изловлю, тогда узнаешь, как ширмачить. И с этими словами дед достает из мешка складной самодельный спиннинг с самодельными блеснами. ? Хо-хо! ? схватилась за живот подкоряжница. ? Налимов тебе ловить туполовых этакой снастью! А я ловушки всех стран и континентов прошла, в карасине выжила, водяным академиком сделалась, сама имаю кого хочу, меня ж никто поймат не сможет! ? Нич?, нич?! ? успокаивал ее старишок. ? Попытка не пытка, как говорил один известный товарищ. Не изловлю, так натренируюсь. ? И давай дед тренироваться, блесну забрасывать. Подкоряжница бесится, бегает, прыгает, вьется. Выдохся старишок, замерто на траву упал, глаза закрыл, больше не могу, говорит, сил нету, уработался. ? То-то! ? нравоучительно молвила подкоряжница и увидела, что возле вербы, упавшей в воду, раненая рыбка бьется. ? Ну, отыхай, стахановец, сил набирайся, а я покудова подзакушу,шибко промялась. ? И с ходу, с лету цап раненую рыбку, да и в укрытие с нею, под вербу. Пока уходила в тень, поудобней устраивалась, рыбку проглотила и почувствовала, что вроде бы горло, пусть и луженое, чем-то царапнуло, да и в животе, в кишках какой-то непорядок, посторонний предмет как бы беспокоит. Осмотрелась подкоряжница, видит, изо рта ее проволока свисает и дальше ? леска миллиметровая. ? Живец! ? ахнула подкоряжница. ? На живца попалась!.. Когда и наживил, ловкач старый? Ах, мать-перемать! ? задергалась, забушевала подкоряжница. Дед к вербе торопится, колесит на кривых ногах и назидает: ? Тиха, милашка, тиха! Ковды попалась, дак дурака не валяй! ? и махом на берег подкоряжнице выхватил. ? Это не по правилам! ? заорала, запрыгала в траве подкоряжница. ? Паровозник! Браконьер! Враг природы! ? А ты дак друх?! ? Конечно, друг. Я водоем очищала от больных и дебильных рыб, мускул имя укрепляла, умственность развивала, в страхе их держала, от вашего брата ? варваров-рыбаков остерегала... ? Ты вот ч?, ? снисходительно обратился дедок-рыбак к подкоряжнице, вытирая чистой тряпицей руки. ? Ежели не угомонишься, орать будешь и рыпаться, получишь успокоительный наркоз, ? и вынул из мешка топор с крепким стальным обухом. ? Ох, только не наркоз! ? взревела подкоряжница. ? Прощайте, товарищи рыбы! Закончен мой боевой путь. Завершена достойная героическая жизнь! В протоке остались мои дорогие щурята, они вам еще покажут! Будьте бдительны! ? и с этими словами подкоряжница уснула навсегда, открыв широко свою богатую пасть, украшенную мормышками, блеснами, похожими на вставные золотые зубы, какие и положено иметь руководящей личности. * * * Ельчику-бельчику сделалось грустно. "Вот она, наша жизнь рыбья!" ? вздохнул он и вспомнил, как подкоряжница митинговала, когда обманула рыбака в темных очках и в шляпе. И рыбы хором славили подкоряжницу, пели ей гимны: ? Мы восхищены вашим бесстрашием в борьбе с вечными и заклятыми нашими врагами ? рыболовами. Подкоряжница распустила хвост и плавники, с удовольствием слушала похвалы в свой адрес, но фыркала тоже, водой бурлила: ? либералишки сопливые! Они, видите ли, восхищены. А что вы сделали для защиты отечества нашего рыбного? Союза нерушимого? Червяков только жрать! Хвостом вертеть! А я борись!.. ? Подкоряжница вдруг рассердилась да как начала гонять по озеру рыбий хор. Под психическую атаку незаметно сотню малярок съела, харюза под камень загнала, у Ельчику-бельчику чуть навовсе хвост не оттяпала. И все же жалко подкоряжницу. Сварливая, прожорливая, неуважительная, а все хозяйка. Ушел старый рыбак с родникового озерца и унес в мешке подкоряжницу. Унялось волнение. Рыбки малые выплыли из укрытий, начали кормиться. Пестренькие харюзки, как всегда, резвились и играли, делая свечки над водой, не забывая, впрочем, подобрать с воды трепещущего под?нка или другого мотылька какого, мошку, комарика. Раненый хариуз маялся под скалой, выплыть пробовал. Ласточки-береговушки стригли крыльями небо. Мир и покой царили вокруг. Ельчик-бельчик и Белоглазка неотлучно стерегли свое маленькое нерестилище, и, покрутившись возле него, как всегда, пьяные от свежей воды, матерно выругавшись, убежали чумазые ерши по речке в протоку, где меж топляков, в мутной, засоренной воде им легче было чего-нибудь спрятать да и подраться с мирными гражданами здешних вод, похулиганить полное раздолье. Вот и

вынырнула со дна горсточка мушек-мулявок. Много икры съели пищуженец и ерши, часть пропала неоплодотворенной и по неопытности некачественно прикопанной, однако молодые родители посчитали и это удачей. Опыт жизни, как и сама жизнь, не так просты, и первая попытка создания семьи могла вовсе кончиться крахом, ныне это сплошь да рядом, да и метали они икуру все же не в положенный срок, не на положенном месте. Дождавшись, когда малявочки прозрели и начали кормиться самостоятельно, Ельчик-бельчик и Белоглазка покинули их в хорошем сохранном месте, надеясь, что здесь, в санаторных условиях, хоть сколько-то из них перезимуют и сохранятся. Родители спустились в реку. Ельчик-бельчик и Белоглазка были совершенно уже здоровые, способные любить, спасаться и добывать еду. * * *
Наступила осень. Обнажился лес. Листья сносило ветром в реку, былинки сухих трав падали на воду, и кружило, кружило, несло их куда-то. Все, что жило, плодилось, цвело летом, обрело крылья, голос, умолкало теперь, осыпалось семенем, отмирало до корешков и успокаивалось в корешке. Птицы объединились в большие стаи, чтобы покинуть родные края. Рыбы тоже сбивались в стаи, чтобы совместно отжировать на обильном осеннем корму и уйти в ямы на продолжительную зимовку. Сборище ельчиков, похожее на серую, в середке даже темную, грозовую тучу, сосредоточилось на протоке. Здесь еще сохранились опечки и обмыски, не занесенные топляком, грязью и не заросшие водяной дурниной. Почти не двигаясь, стояли, прижавшись чуткими брюшками ко дну, устеленному мелкой галькой и песком, белые серебристые рыбки. Что их гнало сюда? В это место? Зачем? Почему? Что объединяло их? Древние законы? Привычки? Тяга к братству? Все это отгадано людьми лишь частично? маленькие рыбки? ельчики, как и многие рыбы, брали на зиму немножко балласта. Они подбирали со дна мелконькие, с дробинки величиной, камешки или крупные песчинки, заглатывали их. Нагрузившись балластом, они еще несколько дней стояли на чистых отмелях, и какое-то грустное, недвижное, может быть, и торжественное чувство владело ими. Может быть, перед тем как впасть в полуспячку, сделаться совсем беззащитными, утратившими даже инстинкт самосохранения и страха, они молились рыбьими словами своему рыбьему богу и просили его о том, чтоб он сохранил их души и тело, продлил их жизни... Над ними настывал и застекливал реку осенний прозрачный лед. На лед ложилась белая изморозь, трещины ходили по нему, стекло льда со звоном лопалось, содрогалась вода, содрогались обитатели реки от режущего, душу пронзающего звука. Ельчики, колыхнувшись луговою, иньем прихваченной травкой, нарушали строй, готовы были броситься врассыпную, но, увидев, что родители их, мамы и папы, стоящие впереди на почтительном отдалении, никуда бежать не устремлены, тоже успокаивались, плотнее прижимались друг к другу. Из деревни могли спуститься рыбаки, пробить пешнями и топорами тонкий лед у входа в протоку и на выходе ее в реку, да и перегородить впереди и сзади рыбной стае протоку мелкоячеистыми сетями, которые и называются ельцовками. Поставив сети, насторожив гибельные ловушки, люди станут бегать по льду, хряпать по нему колотушками, топорами, сапогами, и очнувшиеся рыбки в панике засуетятся в воде, устремлятся в реку из тесной протоки, засадят сети телами своими почти в каждой ячейке. Но не было бы счастья, да несчастье помогло? в деревне не осталось мужиков-добытчиков, сгнили сети на чердаках, да и сама деревня погибла, едва дышала нескользкими трубами. Эта опасность миновала. Но сколько же крутом других напастей. Вверх по реке стоят маргариновый, дрожжевой и каустиковый заводы, льнокомбинат там стоит, на окраине райгородишко межраймашремонт находится, несколько свино? и скотокомплексов, какая-то пропарка, какие-то трубопроводы и просто трубы, пускающие грязь, пар и горячую воду, школы, дома, санатории? все-все они испражняются в реку всяческой дрянью, неиссякаемой нечистью. Ах, если бы знал человек, как он грязен, вонюч, необиходен, так, может, и постыдился бы себя, исправился бы, стал вести себя поопрятней и милосердней. Да где там?! до милосердия ли ему? Веселится, пляшет и поет человек, дожиная остатки безумного пиршества на земном столе, любуясь на себя уже не в зеркале, а в лужи грязные глядя. Скоро ему не только наслаждаться нечем будет, но и напиться на земле воды не найдется, в небо за нею полетит на жутко грохочущих кораблях. Сдохли раки в родной реке, совсем почти не осталось светолюбивых гальянчиков, пескарей, харюзки и леночки в ручье спасаются. Но зимою ручей промерзает до дна, его наледью толсто покрывает? задохнешься, поневоле надо отстаиваться в гнилой и душной воде. Меньше и меньше ельцов в реке. Теряют резвость таймени. И только подкоряжница со щурятами, окуни, сорожняк да ерши попривыкли к новой обстановке. Пахнет у них дурно изо рта, керосином из икры воняет, и сами они помойкой отдают, уже и варить их рыбаки не решаются, но ловят "просто так"? для ублажения души, в утеху сердцу, наслаждаясь самим "процессом" рыбалки и отдыхом "на воде". В мир приходит заосенье. Тишина и умиротворенность на опустелых полях. Земля наряжается в белое, чистое. Прозрачно и покойно вокруг. Улетели на юг тревожные птицы. Ушли звери в темные крепи. Боровая птица в теплых ельниках и

Астафьев Виктор Ельчик-бельчик stafevvictor.ru

сосняках склонилась. Медведь перестал куролесить по тайге, залег и успокоился в берлоге. Генералы-таймени тревожно подремывали в глуби, по-за каменьями. Легли на ямы крест-накрест и оцепенели доtalой весенней воды кое-где сохранившиеся осетры, белуги, стерляди, большая рыба ? кит скрывалась в океане, боясь китобоев с беспощадными гарпунами, акулы задумались о проблемах нынешней жизни и всеобщем разоружении, угрожающем изгнанием их из всех мирных вод. Ушли в далекие моря молодые косяки кеты, чавычи, горбуши и всякой разной прихотливой рыбы. Аж в Саргассово море, виясь и изгибаясь, спешат угри. В неизведенной и человеку еще недоступной толще южного моря плавает задом наперед рыба с двумя сердцами и без единого глаза, и кто-то еще там, в глубине есть, невиданный и неведомый, но тоже, как и всякая тварь водяная и земная, совершив годовой круг, торопится на отдых или в тепло из северной части родной планеты и пробуждается, готовится к гону, икромету, брачным песням, дракам, к любовным делам население южной ее половины. А в яме родной реки, названной так людьми, покинув мелкую протоку, плотным солнечным косяком стояли белые, тихие рыбки ? ельцы. В яме было чисто, глухо, сонное марево окутало воду под толстым покровом льда. Лишь к полудню проникало сюда пятнышко, и рыбы понимали, чувствовали в немой глуби, что там, в миру, все в порядке, ничего никуда не сдвинулось, не развеялось и хоть самое малое тепло, малый проблеск жизни и света небесного обнадеживает всякую тварь сущую на будущее. Едва выпутавшись из морозного тумана, не успев проморгаться и обогреть мир Божий, солнце тут же меркло, затягивалось серой мутью морозного дыма до следующего позднего пробуждения. Покрытые кисельным слоем слизи, предохраняющей от полного остывания тельца в холодной воде, почти слиплись боками воедино, стояли в глуби ленивых сонных вод, жались друг к дружке, чешуйками чувствовали друг друга и ощущали себя родное всех родных существ в земном пределе добрый и веселый Ельчик-бельчик, умная и ласковая Белоглазка. Природа-мать, смируйся над ними. 1986

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!